

Алексеева Дарья Дмитриевна

ОБРАЗ ИСПАНСКОГО НАРОДА В ПРОИЗВЕДЕНИИ ВАШИНГТОНА ИРВИНГА "АЛЬГАМБРА"

В статье представлен анализ сборника новелл Вашингтона Ирвинга "Альгамбра" с этнографической точки зрения, с опорой на описание быта и нравов испанского населения. С целью создания образа испанского народа автор делится своими наблюдениями через описание личных впечатлений. Установлено, что писатель детально воспроизводит местный колорит, но при этом выражает личную, сугубо авторскую точку зрения на особенности национального характера испанского населения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 2. С. 10-12. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 8; 1751

В статье представлен анализ сборника новелл Вашингтона Ирвинга «Альгамбра» с этнографической точки зрения, с опорой на описание быта и нравов испанского населения. С целью создания образа испанского народа автор делится своими наблюдениями через описание личных впечатлений. Установлено, что писатель детально воспроизводит местный колорит, но при этом выражает личную, сугубо авторскую точку зрения на особенности национального характера испанского населения.

Ключевые слова и фразы: описательный метод; национальный характер; самобытность; образ; менталитет; Испания; население Испании; испанский народ; В. Ирвинг.

Алексеева Дарья Дмитриевна

*Московский педагогический государственный университет
daryadmitr@mail.ru*

ОБРАЗ ИСПАНСКОГО НАРОДА В ПРОИЗВЕДЕНИИ ВАШИНГТОНА ИРВИНГА «АЛЬГАМБРА»

Вашингтон Ирвинг (1783-1859) – первый американский писатель-романтик, один из основоположников национальной литературы Америки, получивший международное признание. Основным жанром творчества писателя является *новелла*, именно Ирвинг заложил основы нового для США прозаического жанра – «короткий рассказ».

По мнению Я. Н. Засурского, «Ирвинг сыграл выдающуюся роль в создании новой метафорической системы, которая заложила одну из основ американской литературной традиции» [2, с. 7].

Существенную часть времени Ирвинг провёл в путешествиях по Европе, потому действие во многих произведениях писателя происходит за пределами его родины (Так, «*Книга эскизов*» (1815) состоит из путевых заметок, сделанных во время путешествия в Англию под влиянием немецких народных сказок, в книгу «*Рассказы путешественника*» (1824) включены испанские и арабские предания).

Три года (1826-1829) Ирвинг провел в Испании с целью изучения рукописей и книг об открытии Америки. В Мадриде писатель получает поручение заняться переводом документов, имеющих отношение к путешествиям Колумба. Вскоре прозаик публикует «*Жизнь и путешествия Христофора Колумба*» (1828), рассматривая Колумба как героя-романтика, а спустя еще три года дополняет труд «*Путешествиями и открытиями сподвижников Колумба*» (1831). Особый интерес для Ирвинга представляет история арабо-испанской истории и Реконксты («*Хроника завоевания Гранады*» (1829) – история борьбы между испанцами и маврами). Работая над хроникой, писатель проводит три месяца, имея официальное разрешение на проживание, во дворце Альгамбра – средневековом архитектурно-парковом сооружении, оплоте мусульманских династий во времена их господства на Иберийском полуострове.

Впоследствии свои наблюдения и впечатление о жизни в старинной крепости писатель воплощает в одноимённом сборнике новелл «*Альгамбра*». Книга вышла в свет в 1832 г. – в год его возвращения на родину с репутацией прославленного и почтенного писателя. Впоследствии Ирвинг дополняет и перерабатывает книгу, опубликовав «*Альгамбру*» в окончательном варианте в 1851 г.

Сюжетная линия повествования в основном сводится к описаниям Альгамбры и изложению переработанных испанских и арабских преданий. Всего книга включает тридцать одну новеллу. Вместе с тем, автор уделяет особое внимание духовной жизни человека – как в отношении героев сказочных преданий, так и современных обитателей Альгамбры, а также простых испанцев, о темпераменте и менталитете которых прозаик делает вывод на основе личного общения и через сторонние наблюдения.

«Я тщательно соблюдал местный колорит и достоверность, дабы явить цельную, правдивую и живую картину того микрокосма, того необычайного мирка, в который меня забросил случай и о котором иностранцы имеют крайне туманное представление», – пишет автор в предисловии к пересмотренному изданию [3, с. 7].

На протяжении повествования, которое строится на переработке испанских и арабских преданий, рассказанных автору представителями местного населения, Ирвинг также акцентирует внимание на особенностях современных жителей Испании – их быте, нравах, общих характерных чертах.

По мнению литературоведа Н. П. Михальской, отличительная черта творчества Ирвинга – совмещение вымысла с реалиями быта, полета фантазии – с умением передать особенности местного колорита и национального характера [5, с. 486].

Сама Испания представляется автору «суровой и унылой страной горных кряжей и бескрайних степей, безлесной, безмолвной и безлюдной, первозданной дикостью своей сродной Африке» [3, с. 9]. Испанцев в целом повествователь называет «горделивыми, закаленными, неприязнительными и воздержанными», подчёркивает их стойкость в невзгодах и презрение ко всякой неге и роскоши [Там же, с. 10]. Автор пытается передать целостный образ местного населения через представителей преобладающих социальных групп и профессий. Так, Ирвинг повествует об *Arrieros* (погонщики мулов), без которых «здесь шагу не ступишь». Автор создаёт собирательный образ погонщика: «он экономен и неприхотлив: переметные сумы из грубой материи вмещают весь запас его провианта, у луки висит кожаная бутылка с вином или водой: ведь путь лежит по выжженным горам и безводным равнинам; разостланная попона – его постель, вьючное седло – изголовье. Он низкого роста, но ладно скроен и мускулист, смугл до черноты; его решительный, но спокойный взгляд порой вдруг вспыхивает; держится он открыто, по-мужски вежливо и никогда не пройдёт мимо вас без степенного напутствия: “Dios garde a Usted! Va usted con Dios, caballero!” / “Храни вас господь! Господь с вами, кабальеро!”» [Там же, с. 11]. Ирвинг говорит о неистощимом запасе песен и баллад погонщиков и одновременно подчеркивает, что и в целом в Испании «бездна певцов-импровизаторов», связывая это с отголосками мавританских традиций.

Автор подтверждает мнение о разбойниках, хозяйничающих в горных областях Испании, через которые автору пришлось добираться до Гранады. Для защиты от подобных банд в пути его сопровождал «парень-бискаец лет двадцати» – провожатый, конюх, лакей и в особенности телохранитель. «Как суций испанец, он вел себя с нами приветливо и дружелюбно, но и в самом буйном веселье ни на миг не терял почтительности», – говорит автор об оруженосце как о типичном представителе данной профессии в Испании [Там же, с. 14].

Среди местных, встреченных автором на пути в Гранаду, – крестьянки, священник, цирюльник, корректор, альгвасил, командир патрульного отряда, сапожник, певцы и музыканты, поэты, бедняки, хозяева постоянных дворов. Несмотря на профессиональные и социальные различия, их обобщают «готовность поболтать», гостеприимность, почтительность, учтивость и праздное андалузское радушие. Так, автор описывает день своего прибытия в нагорный городок Арахель, где в честь прибытия иностранцев, что в местных краях было редкостью, хозяин велел устроить настоящее празднество: «Оказалось, что наш хозяин созвал певцов и музыкантов, собрал окрестных красоток, и теперь трактирный дворик – патио стал сценой подлинно испанского празднества. Сборище было пёстрое – солдаты, погонщики и деревенские, – никто не преступил трезвых приличий. Сцена была уготована для художника: живописная группа танцоров, патрульные в полувоенном платье, крестьяне в своих бурых плащах...» [Там же, с. 18].

Рассказчик также делится наблюдением об общей любви всех испанцев ко всякого рода историям (именно переработанные легенды, услышанные от местного населения, представляют основу всего сборника). Нищие, по замечанию автора, более всего склонны к рассказам о мавританских сокровищах – хоть какое-то утешение для простолудин. В гостиницах же можно чаще услышать песни о контрабандистах, рассказы о грабителях и подвигах партизан, мавританские легенды.

Отдельно писатель обращает внимание на «франтоватых молодых людей»: «Вообще, в этой части Андалусии сплошь попадаются такие молодцы. Они слоняются по градам и весям: похуже, что у них пропасть времени и уйма денег; все они “с конём и при оружии”. Это охотники поболтать, покурить, мастера побренчать на гитаре, пропеть куплеты своим махам и особенно станцевать болеро. Это ухарство, несомненно, объясняется рискованной контрабандой – главным промыслом жителей горных областей и приморских районов Андалуссии» [Там же, с. 32]. Действительно, контрабандистский промысел является весьма распространенным андалузским «ремеслом». Местные контрабандисты – своего рода рыцарский орден.

По прибытию в Гранаду, у каменных ворот Альгамбры рассказчик встречает *Матео Хименеса*, называвшего себя «дитя Альгамбры», так как его предки жили в крепости со времен Реконквисты и были исконными христианами, без примеси арабской или еврейской крови. Он сопровождает автора по крепости, делясь местными поверьями. Во дворце Карла V повествователь знакомится с *Долорес* – племянницей *Доньи Антонины Молины* – попечительницы дворца. После прогулки по сооружению в сопровождении Матео рассказчик признаёт, что тот является истинным знатоком местных преданий, накрепко им верит и держит в памяти массу вещей, к которым автор питает подлинное пристрастие.

Автор восторженно делится своими впечатлениями с комендантом Альгамбры, а тот, исполняя акт испанской вежливости, предлагает гостям расположиться в пустующих комнатах дворца. Заручившись поддержкой Долорес, о пребывании во дворце удаётся договориться с хранительницей крепости тёткой Антонией – женщиной сильного и строгого ума, которая даже согласилась готовить для постояльцев, а её рассудительная и бесхитростная племянница Долорес – прислуживать новому гостю. Желтоволосый парень-заика по имени Пепе берёт на себя обязанности садовника, а повстречавшийся с самого начала услужливый Матео – лакея, чичероне, проводника, телохранителя и историографа.

Окружение писателя состоит из людей необразованных, однако житейски мудрых, объединённых почтительностью, гостеприимством и настоящей «испанской» тягой к общению. Потому у тётки Антонии постоянно собирались друзья и знакомые, обсуждали местные слухи и новости, дошедшие из Гранады. Именно таким образом встречая, повествователю удаётся многое понять о нравах здешних жителей и обычаях здешних мест.

Автор выделяет два разряда местных людей – очень богатые и очень бедные. И тем, и другим «делать нечего». Для богатых жизнь и так сплошной праздник, а бедняки не считают своё положение униженным – «хоть и в лохмотьях, а все идальго» [Там же, с. 58].

«Ничего у них нет, ничего они не делают, ни о чем не заботятся. На празднествах и танцах в Гранаде и окрестностях они тут как тут, они зажигают костры на горах в канун святого Иоанна и танцуют лунные ночи напролет в честь урожая на крохотном поле в стенах крепости» [Там же, с. 59], – жизнь бедняков представляется беспечной и радостной, несмотря на материальные сложности. Всё это есть следствие особенностей испанского темперамента.

В один из дней, повстречав мавра во дворике Альгамбры, автор заводит с ним беседу о мусульманском прошлом Андалусии. Речь мавра отражает сожаление берберов об утрате этих земель: «они считают Испанию, или Андалуз, как она издревле называлась, своей законной вотчиной, отторгнутой насильственно и предательски. Такие мечты век за веком лелеют потомки гранадских изгнанников, рассеянные по всей Берберии» [Там же, с. 106].

В противовес этому мнению, испанцы ежегодно отмечают День взятия – избавление от мавританского ига. В каждой деревне и городке проходит красочная инсценировка борьбы заступников веры с мавританскими витязями: посреди площади ставят шатёр, внутри которого – алтарь с изображением Богородицы. Христианские воины приближаются, дабы поклониться алтарю; басурманы окружают шатёр, дабы им помешать. Мавров одолевают и забирают в плен, а отвоёванный образ Приснодевы возносят во главе победоносного шествия [Там же, с. 131].

Предания, составляющие основу сборника «Альгамбра», были также рассказаны автору местным населением, еще одна характерная черта которого – «восточное пристрастие к небылицам». В основном это рассказы о жизни святых, об опасных приключениях странников, мусульманском золоте, дерзких проделках разбойников и контрабандистов. Рассказы, как правило, овеяны магической дымкой и таинственностью: если это зарытое сокровище, то оно обязательно заколдовано и находится под чьей-либо охраной. Такие истории передаются «по наследству» из рода в род, их хранители – в основном окрестные бедняки. Народ не мыслит быта и без рассказов о рыцарских подвигах, воспетых в различных жанрах и закалявших испанский характер.

Автор также подчеркивает самобытность провинциальных семейных отношений: «В редком народе отношения между родственниками столько раскованны и столь сердечны и высший относится к низшему без высокомерия, а тот, снизу вверх, – без подобострастия» [Там же, с. 138].

Испанцы поэтичны, их вдохновляет окружающий мир – сияние звезды, прелесть и аромат цветка, кристальная чистота фонтана. Испания – страна романтической патетики, отличная от остальной Европы элементом «восточности». Порой эта патетика представляет испанца «напыщенным и велеречивым», заставляет его ставить вопрос чести выше здравого смысла. «Но хоть это паренье духа подчас высокопарно, оно всё же поднимает его над тысячью низостей; он может впасть в нищету, но не опуститься до подлости» [Там же, с. 311].

Подробно излагая свои наблюдения, автор присваивает сборнику новелл черты *костумбризма* через внимательное и точное воспроизведение характерных черт и красочных особенностей народной жизни и быта, а также с помощью документально верного изображения природы. Таким образом, этнографический мотив в сборнике «Альгамбра» играет второстепенную, однако немаловажную роль и существенно способствует пониманию быта и нравов испанского населения.

Список источников

1. Боброва М. Н. Романтизм в американской литературе XIX в. М.: Высшая школа, 1972. 285 с.
2. Засурский Я. Н. Романтические традиции американской литературы XIX в. М.: Наука, 1982. 352 с.
3. Ирвинг В. Альгамбра. М.: Художественная литература, 1990. 377 с.
4. Ладьгин М. Б., Луков В. А. Романтизм в зарубежной литературе. М.: МГПИ им. Ленина, 1979. 113 с.
5. Михальская Н. П. Зарубежные писатели. Биобиблиографический словарь. М., 2003. Ч. 1 (А–Л). 688 с.
6. Николюкин А. И. Американский романтизм и современность. М.: Наука, 1968. 412 с.
7. Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли: в 3-х т. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. Т. 2. 150 с.

SPANISH NATION'S IMAGE IN THE COLLECTION OF ESSAYS BY WASHINGTON IRVING "TALES OF THE ALHAMBRA"

Alekseeva Dar'ya Dmitrievna
Moscow State University of Education
daryadmitr@mail.ru

The article analyzes the collection of essays by Washington Irving "Tales of the Alhambra" from the ethnographic viewpoint. Special attention is paid to the description of Spanish people's everyday life and morals. To create the image of Spanish nation the author shares his observations and personal impressions. The paper shows that the writer reproduces in detail the local colour but at the same time expresses his personal, strongly subjective view on the specificity of Spanish national character.

Key words and phrases: descriptive method; national character; identity; image; mentality; Spain; Spanish population; Spanish nation; W. Irving.